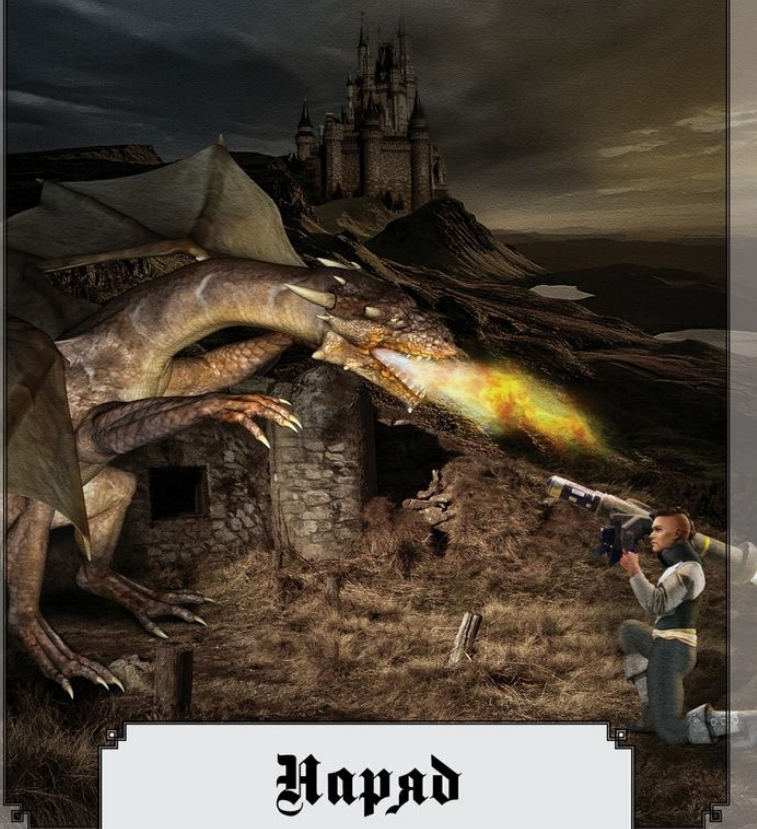

18+

Ярослав Калака

Наряд

Книга III. Молча куница

Ярослав Калака
Наряд. Книга III.
Точка кипения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759270
ISBN 9785448366949

Аннотация

Всегда будут битвы, в которых нельзя победить. И победы, ради которых появляются на свет целые поколения. Кто одержит верх в решающей схватке?

Содержание

ГЛАВА I,	5
ГЛАВА II, в которой партия всё-таки находит подземный путь в Каменную цитадель	30
ГЛАВА III	44
ГЛАВА IV	59
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Наряд

Книга III. Точка кипения

Ярослав Калака

© Ярослав Калака, 2017

ISBN 978-5-4483-6694-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I,

*в которой наши друзья шаг за шагом,
прыжок за прыжком, локоть
к локтю, постепенно преодолевают
препятствия на своём пути для
того, чтобы отыскать подземную
дорогу к тихому биению семидесяти
двух маленьких детских сердец*

– У нас есть гидрокостюмы? – спросил Зигунов после того, как мы его разбудили на втором пограничном портал-посту. – Сухие? Идти без них не имеет никакого смысла. А ещё нужны химические источники света. Минимум по три на каждого участника экспедиции. И водонепроницаемые трансы. Или на худой конец – сумки.

– Сухих гидрокостюмов у нас нет вообще, – ответил ему Александр Юрьевич.

– Если обычные, то тогда как минимум девятимиллиметровые, неопреновые. Есть? – зевнул проводник.

– Отыщем, – вздохнул Воронин. – Ваня, пошли посмотрим остальное снаряжение. Чтобы ничего не забыть.

– Пошли, – согласился окурок.

И они спустились вниз, туда, где остались наши вещи, а мы остались в комнатке на третьем этаже портал-поста. Мы – это я, Лиханов, Павлов, Илюшина и Аглая. Справедливо полагая, что располагаю хотя бы пятью минутами для отдыха, я сел за стол и, положив свою голову на руки, закрыл глаза. Спать хотелось ужасно, сегодня утром Андрею Лиханову еле удалось меня растолкать: сказывалось напряжение и нагрузки предыдущей русалии. Ане Илюшиной пришлось встать ещё раньше для того, чтобы сходить в Карцери за Аглаей, потому что девушка была размещена там.

Что касается проводника, то я так и не понял, где он жил всё то время, пока находился в Южном кресте. Здесь или где-нибудь в другом месте, а сюда его привели вчера только для того, чтобы он переночевал, а нам было проще и быстрее сегодня с ним встретиться?

Под тихий разговор друзей мне удалось сладко подремать ещё целых три драгоценных минуты, прежде чем Александр Юрьевич и Иван Васильевич поднялись обратно наверх.

– Аня, не можешь мне?

– Конечно, товарищ майор!

– Сходим вместе за гидрокостюмами и остальными штуковинами. А вы все ждите нас здесь и не разбредайтесь. Ясно?

– Так точно!

– Андрей – за старшего.

– Есть, товарищ майор!

«Ну вот!» – удовлетворённо подумал я, снова закрывая глаза, – «есть время подремать ещё». Однако сладкие минуты отдыха пролетели быстро: вскоре лидер подземной поисковой партии и фельдшер вернулись с недостающим снаряжением и новостью о том, что им всё-таки удалось раздобыть сухие гидрокостюмы. После этого, совершенно легально, вместе со своими товарищами я пересёк границу Южного креста.

По сравнению с предыдущей экспедицией нам предстояло преодолеть гораздо большее расстояние, чем в прошлый раз. Ручная кладь была солидных размеров, весила под стать прилично, и мне пришлось бы нелегко, если бы в ней присутствовали все положенные вещи. Убедив себя, что её вес соизмерим с моими физическими возможностями, я решил больше не акцентировать на своей ноше внимание. Ведь, как говаривал кто-то из классиков, кораблю в гавани и лучше, и безопаснее, да разве ж он для того?

С трансом мне вчера помогли Лиханов и Павлов: первый дал свой старенький вещмешок, а второй помог с содержимым (Илюшиной тоже удалось приложить руку). Конечно, было наивным полагать, что мы собрали всё необходимое и ничего не забыли, но с учётом вчерашней спешки, в условиях, когда мы валились с ног от усталости, и это было неплохо. За исключением меча, болтавшегося за спиной

в ножнах Александра Юрьевича, в моих вещах не было ничего, принадлежащего лично мне. Конечно, было немножечко стыдно, так вышло из-за того, что я служил в 13-м окончании совсем недолго и ещё не успел обрести даже самыми необходимым.

Теперь карстовая пещера не восхищала и не удивляла меня так сильно, как это было раньше: я привык, и мои чувства притупились. На этот раз мы шли хорошо известным трактом и не стремились остаться незамеченными своими же: это означает, что мы несколько раз встречали патрули Южного креста, хотя меня до сих пор удивляла лёгкость, с которой мои друзья понимали, что вдали светят огни наших, а не чьи-нибудь чужие.

Однако чем дальше удалялись мы от границы 13-го окончания подземных коммуникаций сопротивления, тем сильнее чувство одиночества и затерянности в бесконечных подземных лабиринтах охватывало наши сердца и умы. Вскоре встречи сошли на нет, окончательно исчезнув. Час проходил за часом, сонливость отступила, я нашёл свой ритм, согревая себя мыслями о привале, по очереди мечтая то о безделье и сне, то о еде.

Не знаю, столько прошло с того момента, как мы покинули пределы нашей подземной цитадели: свои часы я оставил дома, боясь повредить, а спрашивать у товарищей не хотел, зная, что время летит куда быстрее, если стараться не обращать на скорость его течения никакого внимания. Посте-

ленно характер пещеры менялся. Её галереи становились всё уже и уже, а гроты меньше и меньше. Наконец наступил привал.

– Скоро Внешняя система закончится, – сказал Воронин. – Ты уверен, Иван Васильевич, что путь дальше существует? В этом районе исследован вдоль и поперёк каждый проход, каждый сталактит, каждая пядь поверхности...

– Чего попросту сотрясать воздух? – ответил бродяга. – Скоро и так всё увидим.

Вскоре мы выбрали место для привала, разложили свою нехитрую снедь и поели. После этого поделили часы и устроились на ночлег.

Сон придал мне сил. Меня разбудила Илюшина. Теперь я был полноправным членом группы, и так же, как и все, стоял на часах. Она напомнила мне, как делать прослушку, и легла неподалеку от меня, попросив разбудить её сразу же, как я почувствую что-то неладное, пусть даже в самой незначительной мере. Сознание того, что потом можно будет ещё поспать, сглаживало необходимость бодрствования в то время, когда все остальные пребывали в сладких объятиях Морфея. Ну или почти все.

– Мить, – тихонько сказала Аня, – о чём ты думаешь?

– Есть ли на самом деле подземный путь в Каменную цитадель, – ответил я. – Кстати, давно хотел спросить: что такое эта самая Каменная цитадель и что представляет собой

Вестгейт-Ея? Если это один и тот же город, то почему всегда говорят, что тюрьма, где держат детей, находится в Вестгейт-Ее и никогда не говорят, что она в Каменной цитадели? Хотя подземную дорогу ищут именно в Каменную цитадель? По-моему, мне уже кто-то объяснял разницу, но я успел позабыть.

– Это просто. Смотри. Каменная цитадель – это подземный город, когда-то принадлежавший Сопротивлению. Альянсу однажды удалось его захватить, но он решил не подвергать Каменную цитадель полному уничтожению, а создать что-то вроде нейтральной дипломатической зоны. В общем, кого там только нет: мартышки, бродники, окурки, дезертиры Альянса, наши дипломаты, дипломаты окурков и Радужа. Город хранит нейтралитет и не выдаёт своих граждан. Если кому-то удалось пересечь его границу и оказаться внутри, то он свободен и избежал преследования. Конечно, так не всегда. Если ты, например, мартышка, и пришёл в город после того, как пришёл пару солдат Альянса, то тебя будет судить сам город. Так, как будто бы все участники просто люди, и равны. Весьма жёстко судить. Чтобы отбить всякую охоту всякому сброду использовать его как буфер или место, где прячут концы в воду.

– Интересно...

– Ты прав. Ещё как интересно.

– Неужели удаётся соблюдать баланс?

– Представь себе, в основном, да.

- Ань, а что такое бродники?
- Так у нас в Южном кресте называют босоножек.
- Понятно. Почему не спишь?
- Тихо! Ты ничего не слышал?
- Нет! Подожди, сейчас...
- Дай мне фонендоскоп!
- Ну что?
- Да вроде бы ничего...
- Я тоже ничего не услышал. Давай спи.
- Хорошо.
- Ань!
- Да? Я уже задремала почти!
- Извини. Так разница-то в чём?
- Какая разница? А!.. Ты меня просто сбил своими бродниками. Слушай. Вестгейт-Ея – город Альянса на поверхности. В нём и военная база, и тюрьма, и вообще всё региональное начальство саксов. А с Каменной цитаделью они соседи. Первый вверху, а второй под ним, внизу. Понял?
- Да. Всё, прости, спи.

После привала мы пошли дальше. Проходы пещеры сузились, стали низкими настолько, что в них мы протискивались с большим трудом. Один за другим стали попадаться ракоходы и шкуродёры. Наконец, на одном из перекрёстков мы свернули в левый проход.

- Я его знаю, – сказал майор проводнику. – Приходилось

бывать. Там тупик. Или, там есть... вертящийся портал с отверстием для статуэтки?

— Да, — тихо ответил окурок и повторил, словно эхо: — Вертящийся портал с отверстием для статуэтки.

Даже от моих глаз не скрылся тот факт, что наш невозмутимый дед почему-то сильно нервничает. Постепенно его беспокойство передалось всем нам.

— Сейчас, — сказал он. — Вставлю ключ. Когда портал перевернётся, вы аккуратно спрыгните с него на камень, который будет внизу. Но только — осторожно. Потому что за ним — пропасть, в которую очень легко свалиться. Всем всё ясно?

— Да, — ответили мы.

К этому времени все залезли в тупик, и было совершенно не ясно, каким образом наш бродяга собирается отыскивать в нём портал. Естественно, мы ошибались. Стоило Ивану Васильевичу взяться за дело, как один за другим отыскались несколько камней, в одном из которых была нужная нам скважина.

— Приготовьтесь! — попросил нас проводник, открывая свой рюкзак.

Хотя, скорее всего, он специально заранее положил необходимую статуэтку на самый верх, чтобы потом её не искать, нам показалось безумно долгим время, которое прошло до того момента, как ключ скрылся в камне.

Как и в первый раз, сначала ничего не происходило. Потом всё вокруг: и мы, и стены, и узкий мрак пространства во-

круг, беспорядочно освещаемого нашими конофонами, безмолвствовали ещё несколько секунд. И только тогда, когда внутреннее напряжение в нас сказало «ну всё, теперь уже точно ничего не произойдёт, не будет!», механизм пришёл в действие.

Сжатые в считанные кубические сантиметры по эту сторону, мы никак не ожидали такого простора на другой стороне. Вероятно, это была самая настоящая тектоническая расщелина: спрыгнув друг за другом на камень под нами (он был величиною с автобус), мы оказались лицом к пропасти. За нашими плечами была почти отвесная стена.

Зигунов спрыгнул крайним, зажав в руке статуэтку, которую он извлёк обратно из отверстия, в которое до этого всунул для того, чтобы всем нам удалось сюда попасть.

– Где мы? – спросил начальник штаба Южного креста.

Портальная ниша, точь-в-точь, как и в прошлый раз, уехала на своё место, после чего нам всем стало немного жутко. Итак, как я уже говорил, за нашими спинами была стена, а перед глазами – пропасть. Где-то очень далеко внизу кровавым маревом, пёстрой лентой, извивающимся хлыстом светилась речка из лавы, а нам же было абсолютно некуда деваться с нашего островка.

– Спокойно! – почувствовал Иван Васильевич наше настроение. – Это такое место. Оно очень плохо действует на человека. Пустяки оно превращает в проблемы, а проблемы – в неразрешимые катастрофы. Короче, совсем как ве-

гето-сосудистая дистония. Будете его слушать, оно вас погубит.

– Но у нас нет выхода! – всплеснула руками Илюшина. – Как мы попадём вниз? За что крепить верёвки?

– Выход есть, – ответил бродяга. – Вы же понимаете, что он есть, и знаете, точнее, догадываетесь, что я здесь уже был. Смотрите!

Он принялся что-то тщательно искать в стене. Наконец, он нашёл тайную кнопку, которая, словно по волшебству, выдвинула почти такой же громадный валун внизу нас, по левую руку, если стоять лицом к расщелине.

– Прыгаем туда, – сказал проводник. – Быстрее! Сначала вещи.

Когда мы очутились на новом камне, процесс поиска скрытого рычага повторился.

– Помогайте мне! – попросил Зигунов. – Не стойте просто так на месте и не слушайте себя! Здесь нельзя этого делать! Не думайте! Не разрешайте себе долго думать об одном и том же! Разговаривайте друг с другом хотя бы, неважно, на какую тему!

Камень, задействовавший очередную громадную ступеньку, был найден Андреем. После того как мы спрыгнули вниз, я понял, о чём были предостережения бродяги. Панический ужас захватил всё мое сознание без остатка. У меня затряслись руки, сначала лицо, а затем всё тело покрылось потом, но обо всём этом я не знал, потому что был без остатка по-

глощён другим чувством. Страх полностью овладел моим сознанием, точнее, не тот страх, который знаком нам с детства, а другое, такое же, по сути, но гораздо более сильное по своей силе чувство. Мне казалось, что мы сейчас полетим вниз, упадём, или я сам, помимо своей воли подбегу к краю и сорвусь в пасть пропасти... Чувство безысходной концентрированной тоски наслаивалось на этот сильный страх, соединяясь в своём эффекте с всё возрастающей паникой.

Это длилось несколько секунд, за которые я пережил маленькую смерть и прочувствовал до самого дна понятие «видеть жизнь в чёрном свете». Затем, так же неожиданно, как и нахлынуло, наваждение стало слабеть. Я с жадностью задышал полной грудью. Сердце в груди противно колотилось, никак не попадая в ритм.

– О Боже! О Господи, помоги же мне! – едва слышно прошептала девочка рядом со мной.

Я понял, что Аглая сейчас испытывает то же, что я только что пережил. Я схватил руку девочки, сжал её и зашептал на ухо:

– Сейчас пройдёт! Потерпи! Потерпи немножечко, ещё совсем чуть-чуть...

Фельдшер обняла подростка. Через короткий промежуток времени её, так же как и меня, отпустило. Через два камня стало плохо Александру Юрьевичу. Это было страшнее всего, потому что у майора было слабое сердце. Аглая что-то принялась шептать себе под нос.

– Что ты шепчешь? – спросила её Илюшина, в то время как Лиханов с Павловым поддерживали нашего лидера.

– Слова молитвы... – смутилась та.

– Тогда, пожалуйста, громче и заново, – попросила фельдшер. – Мне кажется, от этого становится легче.

– Хорошо, – согласилась девочка и начала заново: – Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится...

От молитвы действительно стало как-то немножечко легче: невидимый чёрный пресс, который сдавливал всех нас, немного отступил.

– Всё, – сказал Воронин. – Отпустило.

– Выпейте! – протянула Аня ему таблетки.

– Быстрее! – зашипел бродяга, – нельзя останавливаться!

– Может быть, зажжём факел? – спросила Илюшина.

– Какой к лешему факел?! – рассердился проводник. – Вперёд!

Сопровождаемые молитвами девочки, без остановок мы добрались до пола. Какое нам для этого пришлось преодолеть пространство, страшно даже вспоминать. Внизу было что-то вроде мостовой или даже набережной, выложенной из камня. Немного впереди она превращалась в готический каменный мост, пересекавший лавовую реку. По сторонам я заметил несколько человеческих костей и черепов, валяющихся в беспорядке, – естественно, акцентировать внимание на собственных наблюдениях не хотелось.

– За мной! – скомандовал окурок и, подхватив свои вещи, ринулся через мост.

На нём было страшнее всего. Аня лишилась чувств, и мне пришлось волочить и её транс тоже, в то время как Андрей с Алексеем несли её за руки и ноги.

– Господь просвещение моё и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь Защититель живота моего, от кого усташуся? – с каждым новым словом слабеющим голосом произносила слова молитвы мужественная Аглая.

На другой стороне, в противоположной стене расщелины, были широкие ворота, кованные из железа. Мы забежали в них, после чего бродяга прикрыл их насколько плотно, насколько это было возможно, отгородившись от пространства, которое мы только что преодолели.

– Уф! – сказал он, садясь прямо на пол, опираясь спиной на свой рюкзак. – Самое страшное позади.

Аня медленно приходила в себя, с удивлением глядя на наши лица и на Аглаю, которая, смочив водой свой носовой платок, продолжала вытирать им её лицо. Девочка прекратила чётко и плавно произносить молитвы только перед этим своим занятием. Почему-то, наблюдая за ней, мне пришло на ум то, что все мы без исключения превратились в одну крепко сбитую команду, каждому члену которой по силам внести свою лепту для достижения общей цели.

– Спасибо, – сказала ей фельдшер.

– С возвращением! – ответила девочка.

– Что это за место, Иван? – спросил Воронин.

Он только что закончил аускультацию, и теперь прятал фонендоскоп в свой карман.

– Теперь мой гонорар не кажется вам слишком высоким? Не знаю. Но оно очень плохое. И мы прошли его без потерь. Кстати, теперь самое время зажечь факел.

– Возвращаться обратно мы будем этим же путём? – спросила окрепшая Илюшина.

– Нет, – ответил проводник. – Обратная дорога будет уж точно веселее.

– Не надо веселее, – попросил Андрей. – Достаточно просто другую.

– Где мы? – начал озираться по сторонам Павлов.

Он только что зажёл факел, и пространство перед нами немного раздвинулось. Место действительно было диковинным.

– Это снова лабиринт-ловушка? – спросил Лихман.

– А не слишком ли много вопросов за последние десять минут? – насупился наш дед. – Это не ловушка. Но заблудиться здесь можно в два счёта. А что творится на нижних уровнях этого лабиринта, известно только Господу Богу.

– Все в порядке? – спросил Воронин.

– Да, – ответили мы.

– Аглая, Аня, вы как?

– Нормально! – ответили девушки.

– Тогда пойдёмте. Иван Васильевич, разреши тебя на пару

минут!

– Конечно, командир!

После того как они посекретничали в сторонке, мы похватили свои вещи и замерли в ожидании команды тронуться в путь. Пол под нашими ногами был буро-коричневого цвета, с нехарактерной для мира Подземья текстурой, напоминавшей по своему виду и качествам почву. Стены были выложены из серых каменных кирпичей, длинных и высоких, но самым загадочным был потолок. Нам не удалось найти ни единого шва: иссиня-тёмная порода представляла собой единое целое, и, судя по всему, потому что другого объяснения мы просто не могли найти, была отшлифованной снизу частью пласта, о величине которого можно было только гадать.

Место, в котором мы очутились, забежав за ворота, оказалось круглым холлом. К счастью, потому что становилось нехорошо только от одной мысли о возможности возвращения обратно, в его дальней стене был виден прямоугольный коридор. Перед тем как устремиться во мрак неизвестности под незначительным уклоном вниз, он оставлял по своим бокам небольшие карнизы из-за того, что пол на остальной площади зала оставался на одном уровне. Холл не был абсолютно круглым, стены и ворота располагались так, что образовывалось семь прямых граней, восьмой была пустота прохода.

На левом возвышении, образованном так же, как и правое, потому что, как я уже говорил, единственный путь ухо-

дил вниз, лежал чей-то череп. На правом – странный предмет, на который обратил внимание Алексей.

– Смотрите, чья-то котомка! – сказал он, поднося факел совсем близко к ней. – Может, посмотреть, что в ней?

– Нет! – сказал наш лидер. – Не надо. Пищи и воды у нас в достатке. Факелы тоже есть. Мы ни в чём не нуждаемся, и поэтому, что бы мы там ни нашли, риск это не оправдывает.

– Согласен, – закивал головой проводник. – Пойдёмте дальше.

Проход ещё какое-то время уходил вниз, пока не выровнялся. По бокам всё так же тянулись стены, в которых не было ничего, способного привлечь к себе наше внимание. Вскоре мы наткнулись ещё на одну находку. Возможно, когда-то это было неплохим холодным оружием, но сейчас ржавый боевой топор с полуистлевшей деревянной ручкой не представлял собой никакой ценности.

Спустя ещё двадцать минут после топора ход неожиданно закончился. Слева снова выступил карниз, на вершине которого было что-то, напоминавшее чахлое подземное растение: жалкий вялый стебель с несколькими ростками. За ним коридор делал поворот влево, а справа, в углублении, была дверь.

– Сможешь взломать? – спросил Зигунов Павлова.

– Могу попробовать, – вопросительно посмотрел тот на Воронина.

– Давай, – кивнул тот головой. – Я пока подержу факел.

– Разрешите, лучше я подержу, товарищ майор? – предложил Андрей.

– Хорошо.

Алексей старался и пытался, пробуя один инструмент из своей коллекции за другим, но у него ничего не получалось.

– Странный замок, – сказал он. – Вроде бы и простой, но я что-то упустил и никак не могу понять, что...

– Брось его пока, Лёша, – попросил Александр Юрьевич. – Пойдёмте в левый рукав.

Мы так и сделали. Вскоре он тоже под углом в девяносто градусов повернул налево. Однако направо, хоть и не такой широкий и магистральный, а напротив, едва приметный, тоже вёл ход. Мы воспользовались им и оказались в небольшой круглой комнате, стены которой впервые отличались от других стен подземелья и были из зернистой серой породы.

В этой маленькой комнате мы не нашли ничего интересного, кроме мусора и старых полуистлевших костей, в беспорядке валявшихся на полу. Покинув её, мы снова проследовали по ходу движения главного коридора, который однообразно вёл нас ещё где-то пару часов, после чего неожиданно закончился залом с громадной колонной посередине.

В конце зала рядом друг с другом в стене стояли две двери, такие же крепкие (даром что деревянные) на вид, как и первая, которую мы так и не смогли взломать. На полу,

примерно на середине расстояния между ними, под слоем пыли лежал брошенный ранец. Как и тот, который мы заметили недалеко от ворот, первым его заметил Павлов.

– В нём может быть ключ! – сказал бродяга.

– Попробуем двери, – предложил начальник штаба. – Если они закрыты, то тогда делать нечего, придётся смотреть, что у него внутри. Попрошу тишины, я хочу сделать фонесканирование.

Дверь, к которой мы подошли в первую очередь, снова оказалась запертой. Зато другая со скрипом открылась сразу же, стоило только на неё слегка надавить рукой. Внутри нас снова ждало разочарование: в комнате, в которую мы вошли, не было ничего интересного или необычного. Только мусор и ставшие уже привычными кости на полу, а также, самое главное, отсутствие даже малейшего намёка на ход, который куда-нибудь вёл.

– Иван Васильевич, мы снова в ловушке? – спросил окурка майор.

– Всё может быть, Александр Юрьевич, – пробурчал дед. – Но не думаю. Пойдёмте посмотрим на ранец. Если в нём не окажется ничего интересного, то придётся возвращаться к котомке, которую нашёл лейтенант.

– Ну-ка, посвети, пожалуйста, сюда, сынок, – попросил проводник Павлова.

После того как тот расположил факел так, как ему было нужно, дед засучил рукава и приступил к делу. Замок ранца

громко щёлкнул. Внутри лежала какая-то полуистлевшая ветошь, в которую был бережно завёрнут ключ. Иван Васильевич отпер дверь, положил ключ обратно в ранец, предварительно замотав в тряпки, вернув, таким образом, всё на свои старые места.

Я уже знал, что поступать так предписывает философия, превратившаяся в стиль прохождения подземных препятствий в загадочных местах вроде этого. Он предписывал, насколько это возможно, всё возвращать на свои места, для того чтобы у последующих скитальцев не возникло трудностей с их преодолением. Стиль назывался Правилами вежливого прохождения и даже имел аббревиатуру: ПВП. Всё это говорило о том, что подобные диковинные места встречались под землёй не так уж редко, как можно себе представить.

За дверью нас ждал узенький ход, который под довольно таки ощутимым углом поднимался вверх. Окружающие нас стены изменили серому кирпичу и теперь были сложены из валунов красноватого цвета. Начальник подземной поисковой партии сделал прослушку, в чём его, как обычно, продублировал Зигунов.

– Вода! – одновременно сказали они, убирая свои инструменты.

Когда узкий проход закончился, мы вошли в прямоугольный зал, имевший выход на противоположной стороне.

– Мы на верном пути, – повеселел бродяга. – Этот зал я помню. Но как я в него попал в прошлый раз, ничего не от-

пирая? Или двери были просто открыты?

– Нам ещё долго быть в этом подземелье, Иван Васильевич? – прервал его Воронин.

– Да, Александр Юрьевич, – просто ответил он. – Пойдёмте, я покажу вам неплохое место для привала.

Мы вышли из зала и, остановившись ненадолго, чтобы осмотреться, свернули налево. Больше идти было некуда: дорожка какое-то время вела прямо, но обрывалась, а вокруг неё была чёрная, как чернила, пустота, в которой с большим трудом угадывались контуры расстилающегося под нами лабиринта.

Вниз спустились на верёвках. Если раньше наш путь шёл под уклоном вверх, то теперь он неуклонно вёл всё дальше и дальше от земной поверхности. Внизу мы и нашли ту самую воду, о встрече с которой говорила аускультация. Расположившийся буквой «Г» ручей был закован в булыжник пола; мостики или настилы отсутствовали, но его было просто перепрыгнуть и без них.

– Как вы думаете, какая у него глубина? – спросил нас окурк.

– Метр! – предположил Алексей.

– Полтора, – высказал свою версию Андрей.

– Не знаю, – покачала головой Анна.

– Тридцать сантиметров? – попытался угадать я.

– Гораздо больше всех названных цифр, – усмехнулась Аглая. – Даже если их сложить.

– Ну и сколько же? – не вытерпел и полюбопытствовал начальник штаба, видя, что Иван Васильевич и не собирается торопиться с ответом.

– Около десяти метров, – наконец-то ответил тот. – А сейчас будет подземная речка глубиной в пять метров.

Он оказался прав. Сначала мы нашли запертую дверь, а затем на одной из стен рычаг, который её отпирал. За дверью нас ждал ход, стены вновь состояли из серого кирпича. Он вёл к широкой подземной реке. Здесь нам понадобились для переправы и гидрокостюмы, и непромокаемые сумки. Оказалось, транспортировка вещей вплавь даже на небольшое расстояние – это очень трудная задача, быстро отбирающая силы.

На другом берегу, наискосок, нами была обнаружено ту-пиковое помещение, состоящее из двух небольших комнат. В одной из них мы не только разбили привычный лагерь, но даже разожгли самый настоящий костёр из головешек, в беспорядке валявшихся на её полу.

– Здесь нам лучше отоспаться, командир, – сказал проводник. – Дальше с местами для ночлега возможны затруднения.

– Я не возражаю, – ответил майор. – Десяти или, лучше, двенадцати часов для отдыха хватит?

– Вполне, – ответил окурок.

– Что нас ждёт poste привала?

– Будет нужно продолжить плыть по течению. До тех пор,

пока не появится следующее место, в котором вместо стен, как в этом, будет берег. Если оно тоже окажется тупиком, придётся плыть до тех пор, пока не найдём вылазку с проходом.

– Ясно.

Мы разложили свои вещи и переоделись из гидрокостюмов в свою обычную одежду. В то, что нам предстоит столь основательный отдых, верилось с трудом. В хороших и сытых условиях быстро обесцениваются такие очевидные в лишениях сокровища, как сон, еда и отдых. Мы забываем, как приятны: пять минут безделья, обыкновенный перекур и беседа с друзьями за кружечкой чая.

– Юрьевич, откуда всё это взялось? – спросил Павлов.

– Что именно? – не сразу понял его вопроса наш лидер.

– Ну, все эти подземелья. Вспомните, что мы знали обо всём этом до Великого Исхода, – не унимался лейтенант. – Подвал какого-нибудь старинного дома. Люк в коллектор, в котором, сидя на трубе, мы в детстве выводили двойки из наших дневников. Новоафонская пещера – предел, Мон-блан наших мечтаний в этом направлении... Но тут... Ведь всё это надо было спроектировать, построить... Кто и когда это сделал? Зачем? Даже здесь мы прошли далеко не все ходы, они ведь только начались, я это чувствую, разве не так? Иван Васильевич?

– Даже не проткнули кожуры яблока, – подтвердил слова Алексея проводник. – А может быть, и проткнули, но не бо-

лее.

Было видно, что слова Павлова ему почему-то пришлись по вкусу.

– И вправду, – вставила Илюшина, – зачем такая избыточность?

– Здесь всё *отчётливее*, – вдруг сказала Аглая, помещивая похлёбку в котле.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил её Лихман.

Все почему-то почувствовали, что ей есть что сказать.

– Говори, не бойся! – улыбнулся майор. – Ну, не стесняйся!

– Здесь... – задумалась девочка, подбирая нужные слова, – человек яснее видит свою цель и себя, свой стержень, понимаете? Ему не мешают потоки всего лишнего, которые пронизывают его на поверхности. Да, они необходимы, но вместе с тем избыточны и в основном пусты. А здесь каждое сердце бьётся сильнее, воля твёрже, а душа чище... Наверное, и чище, и нет, вот: та, что стремится к свету, – очищается, но чёрная делается ещё темнее и хуже, чем она была... И хотя я сказала столько слов, а выразить, то, что чувствую, так и не сумела... Но это просто свойство этих мест, понимаете? Нельзя сказать, что это хорошо или это плохо. Здесь усиливаются любые качества человека, не только светлые, но и чёрные тоже. Но идеально хороших, добрых людей почти не бывает. Они рождаются, время от времени, но очень редко. И те, кто это построил, как бы накаплива-

ли ту энергетику, которой было больше в человеческих душах... Понимаете?

– Честно говоря, нет. Ты хочешь сказать, – задумчиво проговорил Павлов, – что это место построили плохие люди?

– Да! – ответила девочка. – Мы все это чувствуем.

– А вы что скажете, Александр Юрьевич? – спросила Анна.

Мы думали, что наш лидер как обычно отшутится, как это бывало уже не раз в подобных дискуссиях, но ошиблись.

– Однажды мы с Митей уже встречали лабиринт, в котором нашли статуэтку, которая, как оказалось, не просто статуэтка, а ещё и ключ для входа в такие вот потайные коммуникации. Вон, у Ивана Васильевича их целая куча в рюкзаке. Там же мы и накопили кое-что, что некоторые разные вещи связало в один узел. Будем надеяться, что эти данные помогут разгадать скопившиеся загадки, потому что пока многие из них они только усложнили, а путаницу сделали ещё большей, чем она была. Словом, будет результат, я вам объясню. Митю не пытайте пока, он вам всё равно не расскажет просто потому, что пока ещё ничего не знает. Придёт время, я вам сам всё доведу... А как вам удалось насобирать столько ключей? – обратился он к Зигуну.

– Была история, – помолчав, медленно ответил он. – Разрешите, Александр Юрьевич, я не стану затрагивать эту тему. По крайней мере, пока. С вашего разрешения, я пойду спать. Советую не болтать попусту, а как следует отдохнуть.

– Да, конечно! – вздохнул майор. – Давайте делить часы.
Мы поделили время и улеглись по своим местам.

ГЛАВА II, в которой партия всё-таки находит подземный путь в Каменную цитадель

Моя смена была крайней. Это означало, что именно мне пришлось всех будить. Люди иногда проявляют свою индивидуальность в самых неожиданных мелочах. Вернее, всё немножечко не так: в одних вещах мы абсолютно одинаковы, а в других совершенно разные. Чаще всего это так хитро переплетается между собой, что нужно быть большим пройдохой, чтобы тонко играть на струнах человеческой натуры, обращая её знание себе на пользу.

Воронин проснулся сразу и, беспокойно открыв глаза, привычным движением нащупал оружие. Павлова пришлось долго трясти, слушая его мычание. Лиханова тоже трясти, но недолго. Илюшина перевернулась на бок, что-то пробормотала во сне и только потом поняла, что от неё хотят. С богатырским храпом окурка пришлось выдержать целое сражение, зато Аглая проснулась по-взрослому сосредоточенно и быстро.

Мы спешно перекусили, переоделись в гидрокостюмы и продолжили спуск по реке. Совсем недавно я думал, как же трудно идти с тяжёлой ручной кладью, совершенно не задумываясь о том, что это невероятно лёгкая забава по сравне-

нию с тем, если пробовать с нею же плыть. Конечно же, мы сделали так, чтобы внутри транспортируемых контейнеров был воздух, и они сами держались на плаву, а мне помогал Андрей, но даже с его помощью преодолевать водную преграду было сложно. Нам же, как на грех, не везло.

Следующее место, как и последующие два, оказались такими же тупиками, как и то, в котором мы сделали привал. Не только я, но и все, за исключением, пожалуй, нашего непробиваемого проводника, замёрзли. Чёрная вода была своими колючими каплями нас по лицу и одному Господу Богу было известно, что скрывалось под её толщей на дне этого искусственного водоёма. Но не было никакого выхода, как плыть и плыть вперёд, освещая свой путь сбившимися набок налобниками, мимо неприветливых серых стен, высоко взмывавших вверх в поисках берега, на который было возможно выбраться. Найти его, случайно не пропустив, оказалось непростой задачей, особенно учитывая наш скудный свет.

Наконец, очередная вылазка оказалась той самой, которую мы и искали.

– Да, это она! – удовлетворённо сказал Зигунов, рассмотрев дверь в стене, противоположной реке. – Лёша, попробуй её взломать, когда мы переоденемся. Если не получится, я взломаю её сам, у неё простой замок.

– Хорошо, – ответил лейтенант.

Мы переоделись, сложили гидрокостюмы, а Павлов тем

временем, примерно за десять секунд, действительно взломал дверь. Громко, противно лязгнув, в отличие от своих предшественниц она была из железа, она распахнулась, и мы вошли внутрь неё. Узкий проход поднимался вверх, а стены снова стали из серого кирпича, который был покрыт непонятной зелёной трухой. Не раздваиваясь, только постоянно меняя направление в пространстве, шли мы этим ходом несколько часов, пока не стало трудно дышать: одинокие ходы, если они сделаны на длинные дистанции, редко отличаются достаточной вентиляцией.

– Потерпите ещё немного! – попросил нас проводник. – Сейчас он закончится. Должен закончиться.

Действительно, вскоре проход закончился, и мы оказались в странной продолговатой комнате со стенами, сложенными из красного кирпича.

– Товарищ майор, Иван Васильевич, нам нельзя зажечь ещё один факел? – спросила Илюшина.

– Зажигайте, – пожал плечами проводник.

– Да, – согласился майор. – Клади и так много.

– Митя, понесёшь факел? – попросила меня фельдшер. –

А то переправа что-то выбила меня из колеи.

– Конечно, Аня! – ответил я. – С радостью!

– Фи! – сказала Аглая.

– Ох! – только и вздохнул я, а фельдшер покачала головой из стороны в сторону.

Мы зажгли факел и принялись осматривать комнату.

На её противоположной стороне была железная дверь, а посередине постамент с колоннами. Отдалённо напоминая балдахин без крыши, с подставкой в центре, на которой покоилась непонятная сфера, он на некоторое время вызвал нашу заинтересованность, приковав к себе внимание. Было неясно, для каких целей мог использоваться этот комплекс, и, как всегда, неизвестность будоражила наше воображение.

– Только ничего не трогайте! – предупредил нас окурок. – Когда говорю «здесь», я имею в виду, вообще здесь, не только в этой комнате, а в целом подземелье ничего нельзя трогать. От греха подальше.

– Неужели всё так серьёзно, Иван Васильевич? – спросила Илюшина.

– Да, представь себе! – ввернула Аглая.

– Послушай, девочка! – прорвало старшего сержанта. – Сними, пожалуйста, с себя трусики и заткни ими свой рот, а?!

– Прекратите! – прервал их майор. – Как вы себя ведёте?

– Саша! – обратился к нему дед. – Ты ничего не слышал?

Они лихорадочно достали свои инструменты для аускультации и немедленно к ней преступили.

– Теперь ничего, – медленно произнёс бродяга.

– А на что был похож звук, Ваня? – спросил его Воронин.

– На лязг железной двери. При открытии, – ответил тот.

Они снова приступили к прослушке, но безрезультатно.

– Ладно, пойдёте дальше! – скомандовал наш лидер. –

Лёша, попробуй, пожалуйста, вскрыть замок этой двери.

– Не надо! – толкнул её рукой проводник. – Она и так открыта.

Мы вошли в дверь. Следующий зал был целиком из серого камня: из него были не только стены, но и потолок с полом. На последнем были груды человеческих костей и черепов, а также характерный мусор, указывающий на то, что когда-то здесь была вода. Мою догадку подтвердили круглые отверстия под потолком, их было не один и не два, а несколько, так что надо было обойти всю комнату с факелом по периметру, для того чтобы сосчитать и узнать точное число.

– Вон проход, – обрадованно указал Зигунов на открытый дверной проём впереди нас. – Пойдёмте туда.

– Обязательно, – сказал Александр Юрьевич. – Только давайте сначала сделаем фонесканирование.

– Хорошо, – согласился Иван Васильевич.

Пока они слушали звуки или их отсутствие, я увидел, что на стене что-то блеснуло. До сих пор не могу понять, зачем я это сделал.

– Смотрите! – сказал я. – Щит!

И прежде чем кто-нибудь успел отреагировать на мои слова, я подошёл к предмету, висящему на стене, и прикоснулся к нему рукой.

– Стой! – крикнул проводник, но было уже поздно.

Сначала послышался лязг опустившихся решёток: спереди нас, в проходе, к которому мы шли, и сзади, перед дверью,

коей пришли. Таким образом, мы оказали полностью изолированными от окружающего подземелья. Оказалось, что это только начало беды. Сначала возник звук, а вслед за ним и потоки воды, вырывающиеся из отверстий под потолком.

– Что ты наделал! – закричал на меня наш лидер.

– Потом! – резко перебил его окурок. – Думаем! Все думаем! И не паникуем! Иначе... Думаем и очень быстро!

– Господи, помилуй! – в отчаянии взмолилась девочка.

– Нечего здесь думать! – вдруг услышали мы незнакомый голос за своей спиной.

Партия обернулась. Позже, анализируя и прокручивая в памяти вид моих друзей, я отмечу, что наш проводник прищурил глаза, а Аглая свернула свои юные пухленькие губки в подобие полуулыбки. В остальном реакция моих друзей была одинакова: все просто вытянули свои лица, потому что незнакомцу было абсолютно неоткуда перед нами взяться.

И, тем не менее, он стоял перед нами и смотрел на нас. Это был молодой мужчина в куртке и штанах из бурой кожи, с вплетёнными в неё железными пластинами, делавшими его одеяние похожим на доспех, с мечом в ножнах, висевших на поясе. Среднего или даже небольшого роста, с чёрными усами, бородой и невероятно глубокими, особенного оттенка, синего цвета глазами. В них, как в глубоком лесном озере, одновременно отражались и печаль, и какая-то непонятная, но в то же время спокойная и уверенная радость.

– Пойдёмте за мной! – проговорил он и, кивнув на пото-

ки воды, сползающие по стенам (к этому времени они уже достигли наших коленей), обернулся, не дожидаясь, что мы скажем ему в ответ.

Незнакомец направился к дальней стене, а мы, переглянувшись, послушно поспешили за ним. С виду стена выглядела абсолютно гладкой и пустой. Однако, как оказалось, только с первого взгляда. Осторожно держа факел, так, чтобы на него не попала вода, я светил загадочному мужчине.

Тот спокойно отыскал в кладке едва выделяющийся небольшой камешек. Нажал на него, чем привёл в действие механизм, открывший секретную дверь сразу же перед нами.

– Быстрее! – бросил он нам. – Это ещё не всё.

Действительно, вода быстро прибывала, в том числе и в новом зале, в котором мы очутились. Похожий на предыдущий, он был гораздо больше по размерам. Из его пола росли квадратные постаменты, отличающиеся друг от друга разной высотой.

– За мной! – вновь скомандовал незнакомец и, прыгнув на самый низкий пьедестал, который уже начала покрывать вода, обернулся ко мне: – Выкинь факел, он будет тебе мешать делать прыжки.

Я послушался. Так он прыгал последовательно на всё более высокие постаменты, а мы по очереди вслед за ним, удивляясь, как нам это удаётся с такими тяжёлыми трансмами, и как это никто из нас до сих пор при этом не сорвался и не упал в воду. В конце концов, мы оказались высоко

вверху, где самый высокий пьедестал заканчивался железной дверью.

– Я взломаю замок! – заявил лейтенант и ринулся к ней.

– Не сможешь! – так же спокойно возразил незнакомец. – Лучше отойди от двери.

Павлов замер в нерешительности, пока не вмешался Воронин:

– Лёша, отойди, пожалуйста, от двери.

Когда тот присоединился к нам, столпившимся на противоположном конце постамента, молодой мужчина усмехнулся и сделал пасс руками. В то же мгновение они зажглись голубым огнём, который начал постепенно увеличиваться в размерах. Когда он был размером с волейбольный мяч, незнакомец резко поднёс руки к замку, и тот щёлкнул. Голубой шар исчез.

– Идите. Придерживайте, иначе захлопнется, – сказал мужчина и первым вошёл в дверь.

Мы последовали за ним. Крайний был Воронин. И вправду, когда он отпустил дверь, она с шумом захлопнулась. Мы находились в совершенно другом, чем прежде, подземелье – вместо загадочного и непонятного места это была просто-напросто старая заброшенная шахта. Дверь с нашей стеной оказалась замаскированной и после своего закрытия просто исчезла. Так что и не найдёшь. Вместе с ней бесследно исчез и спасший нас незнакомец.

– Кто это был? – спросил начальник штаба Южного кре-

ста.

– И куда он делся? – удивлённо посмотрел по сторонам окурок.

– Может быть, – предположил Павлов, – нам это всё при-
виделось? Может быть, мы все надышались углекислого газа
и сейчас бредим?

– Что-то мне не нравится твоя версия! – заметил Лиха-
нов. – Если мы бредим, тогда почему здесь нет вдоволь еды,
выпивки и голых женщин?

– Андрюша, здесь дети, – участливо улыбнулась фельд-
шер.

– Я давно уже не ребёнок! – поймалась в расставленные
силки девочка, и тут же догадавшись о том, что попала впро-
сак, покраснела.

– Голубой огонь все видели или только я? – вздохнул лей-
тенант.

– Все! – улыбнулась Аглая. – Но не беспокойтесь, мы
не нанюхались отравляющих газов и не бредим. Кстати, где
мы сейчас?

– Да, где мы? – спросил капитан.

– Хороший вопрос! – оглядевшись, заметил Зигунов. –
Я вам со всей ответственностью заявляю, что теперь мы су-
щественно подошли к нашей цели. Это заброшенная шахта.
Сейчас, дайте я только достану свой компас... ага... теперь
всё ясно... Знаете это место, Александр Юрьевич?

– Знаю, но глазам не верю. А как поверю, так стану рад! –

ответил он.

– Товарищ майор, может быть, сделаем короткий при-
вал? – предложила Илюшина.

– Ну, хорошо! – согласился наш лидер.

Вскоре мы нашли подходящий тупик и занялись приго-
товлением пищи.

– Значит так! – рассуждал Иван Васильевич. – Каменная
цитадель примерно в трёх-четырёх переходах от нас. После
шахт будет подземное топливное хранилище, а сразу после
него мы подойдём к границе Каменной цитадели.

– Близо подходить не будем, – задумчиво проговорил
Александр Юрьевич. – Неужели это действительно так, как
ты говоришь, Иван Васильевич? Получается, мы почти при-
шли?

– Да, командир, – ответил проводник.

– То, что мы сегодня пережили, с лихвой хватит и на де-
сять походов, – заметил Андрей, и все с ним согласились.

– Митя! – позвал меня начальник подземной поисковой
партии. – Иди сюда!

– Виноват, товарищ майор! – сказал я, чувствуя, что обо
мне и щите вспомнили, и теперь придётся совершенно за-
служенно краснеть.

– Не ругайте его, товарищ майор, – вступился за меня
Алексей. – Если честно, то я и сам бы на его месте тронул бы
этот дурацкий щит.

– А мы благодаря всей этой истории пережили такое

необычное приключение, – подхватила Аня.

– Так, ну хватит! – пробурчал Александр Юрьевич. – Вообще-то, защищать Митю от всяких нападков это обычно моя роль. Не от ваших, конечно, а совсем на другом уровне... Не делай так больше, Гарвий! Берись, наконец, за ум! Хватит уже быть сорвиголовой!

– Есть, товарищ майор!

– Ты бы лучше без всякого «есть!» просто это делал!

– Я буду стараться, Александр Юрьевич! Нет, ну, правда, буду!

– Хорошо, – вздохнул он. – Ладно, давайте поделим время и устроимся на ночлег.

После отдыха все наши недавние приключения, включающие в себя неожиданное появление таинственного незнакомца, притупились, потеряв былую остроту. Вместо этого нами овладело лихорадочное возбуждение, связанное с возможным скорым удачным выполнением нашей миссии.

Без устали шагали мы по извилистым коридорам рудника, стараясь как можно быстрее приблизиться к заветной цели. Неужели моим устремлениям и мечтам Южного креста об освобождении детей из плена было суждено, переплестись в один тугой узел, когда-нибудь сбыться? Хотелось надеяться, как же всё-таки хотелось на это надеяться, хоть так рано! Однако с каждым шагом я был всё ближе и ближе к своей возлюбленной и в прямом, и в переносном смысле.

Заброшенная шахта оказалась неплохим местом. Её ходы были вполне просторны, а самое главное – безопасны. Ведомые окурком, мы шагали по её однообразным коридорам, которые из-за своей однообразности совершенно не откладывались в памяти, и радовались, что можем развить неплохую скорость перемещения, потому что шанс неожиданной встречи с кем бы то ни было был здесь минимален.

Так, без приключений прошли четыре отрезка времени, прерываемые только на привал, до и после которого мы организовывали приём пищи. Костры не разводили, занимаясь сухоядением. Постепенно наша ручная кладь становилась меньше из-за того, что пища съедалась, кроме неё расходовались факелы и всякая другая мелочёвка. В конце концов, как всегда и случается в таких делах, мы совершенно неожиданно пришли к месту, над которым уходила вверх узкая вентиляционная шахта. После нескольких манипуляций нашего проводника оказалась, что внутри неё спрятана верёвочная лестница.

– Теперь забудьте о том, как мы сюда шли, – обернулся к нам Зигунов. – Сейчас мы попадём в зону, где будет можно встретить кого угодно, в том числе и «кротов». То есть – никакого шума. Предельная концентрация. Осторожность, осторожность и ещё раз осторожность.

– Всем всё ясно? – подхватил его мысль Воронин. – Передвигаемся тихо. Без необходимости не говорим. Естественно, не шумим. Следим за собой и своими товарищами, а са-

мое главное, стараемся предугадать развитие ситуации.

– Ну, с Богом, – сказал окурок. – Полезли за мной наверх!

Наверху был маленький козырёк, на котором нам всем удалось уместиться, из-за отсутствия места, с превеликим трудом. Единственный ход вперёд был засыпан. Иван Васильевич, разместившийся возле него, некоторое время что-то искал в насыпи, пока не закивал головой. Это было что-то вроде куска трубы, внутренность которой он сначала очистил от мусора, а затем принялся в неё глядеть. Затем жестами он попросил нашего лидера приблизиться к ней, указав ему, чтобы тот тоже посмотрел в железную трубу, на край которой он указал ему рукой. Тот посмотрел.

– Это же, – тихо проговорил Александр Юрьевич, закончив наблюдение, – подземное топливное хранилище!

Глаза его удовлетворённо мерцали двумя тёплыми искринками. Иван Васильевич зажал конец трубы ладонью, видимо, для того, чтобы туда не могли проникнуть звуки нашей речи, и тихо проговорил:

– Ход здесь, под трубой. Нужно дождаться времени перемены патрулей «кротов», для того чтобы туда проникнуть было безопаснее. Вот он! – дед нащупал край другой, большой настолько, что в ней мог пролезть человек, трубы.

– Не стоит! – сказал начальник штаба Южного креста. – Я хорошо знаю это место, как и то, что граница Каменной цитадели начинается сразу же за подземным топливным хранилищем.

– Получается, всё-таки мы нашли Каменную цитадель? – спросила Илюшина.

По её тону чувствовалось, что она внутренне никак не могла поверить в нашу победу, в то, что до сих пор мифический подземный путь из Южного креста в Вестгейт-Ею был наконец-то найден.

– Ну что же, билет в один конец у нас теперь есть, – проговорил Воронин. – Осталось только найти обратный, и дело будет в шляпе... Теперь домой!

– Значит, возвращаемся? – спросил окурок.

– Да! – ответил майор.

ГЛАВА III

в которой измеряют пульс и температуру, заботятся друг о друге и находят рубины

Мы спустились вниз и на расстоянии двухчасового перехода от места соединения рудника с подземным топливным хранилищем устроили себе привал. Наше настроение было превосходным. Ещё бы! Конечно, путь был труден и опасен, но, тем не менее, найден! Осталось только благополучно вернуться обратно в Южный крест с долгожданной новостью о том, что последнее препятствие на пути к операции по освобождению детей успешно преодолено. «Добраться домой, – постоянно вертелось в моей голове. – Добраться как можно быстрее!» Слаще и теплей этих мыслей был только шёпот сердца. Тихий и неуловимый, он обладал такой силой, что его эффект на поверку оказывался самым сильным. И заключался всего в одном слове, а точнее – имени. Конечно же, этим именем было Лианна.

Теперь мы спешили пуще прежнего, сокращая время привалов, стараясь за один переход преодолеть как можно больше пространства. Решили сэкономить время, затрачиваемое на приём пищи, и перешли на перекусывание на ходу. Кори-

доры мелькали перед нашими глазами, а пространство медленно, но неуклонно уступало нашим шагам, каждый из которых отбирал частичку пути, уменьшая на её небольшую величину наше расстояние до дома и тех, кто с таким нетерпением ждал от нас новостей.

– Иван Васильевич, ведь вы сказали, что мы будем возвращаться домой другим путём? – спросила проводника Аня.

– Да, – буркнул он в ответ.

– Каким, не расскажете?

– Сами увидите, – ответил он. – Скоро сделаем привал, а после него нам недолго осталось идти по руднику. Правда, для перехода во Внешнюю систему нам придётся немножечко поплавать.

Окончание его фразы происходило в абсолютной тишине, потому что после довольно неприятных воспоминаний о месте, которое предшествовало заброшенной шахте, всем было любопытно, где мы окажемся до того, как попадём во Внешнюю систему Южного креста.

Вскоре после привала, как и обещал Зигунов, мы подошли к месту, которое затопило подземными водами.

– Значит так, – обернулся к нам лидер партии, – все сюда. Слушайте внимательно проводника и не пропускайте ни одного слова.

– Сейчас, – сказал Иван Васильевич, – нам предстоит непростая водная преграда.

– Пройти её нужно без эксцессов! – вставил майор.

– А для этого, – продолжил окурок, – сделаем так. Переодеваемся в гидрокостюмы. Активируем химические источники света. Я плыву первым. Александр Юрьевич плывёт завершающим. Здесь сразу же под водой будет ход, уходящий вниз. Он закончится обширным залом, вверху которого, если уровень воды не поднялся, будет немного воздуха под потолком. Наша первая цель – приплыть туда и отдышаться. Каждый держит в руке свой источник света. Второй дублирующий прикрепляет к своему гидрокостюму. По нему будем вас искать, если вдруг что. Не потеряйте его! Если потеряете, то без него мы вас просто не найдём!

– Это ясно? – спросил нас Воронин.

– Да! – хором ответили мы, а я заметил, как в области желудка у меня появился неприятный холодок.

– Затем, в зале у нас будет много ходов. Наш в стене, которая будет от нас по левую руку после того, как мы приплывём в зал. Если вдруг уровень воды поднялся, то будет необходимо плыть сразу в него. Там будет решётка. Она отпирается механизмом, ручка от которого будет висеть сверху, такая круглая штука. Это – на всякий случай, потому что я сам за неё потяну. Необходимо проплыть в решётку за короткое время, потому что потом она опустится вниз сама. Я буду возле ручки ждать, пока проплывёте все вы. После решётки ход пойдёт вверх, и вскоре, если им следовать, снова будет воздух. Всё.

– Иван, если посередине зала воздуха не будет, помаши

из стороны в сторону своим светом, – предложил начальник штаба. – Чтобы мы знали, что надо плыть за тобой к решётке, а не тратить время на поиск воздуха под потолком.

– Хорошо, – ответил тот.

– А куда мы попадём? – спросила фельдшер. – Что за место? Чего ждать и кого в нём опасаться?

– Оно необычное, – нехотя ответил дед. – Но не такое страшное, как то, в котором мы были. А опасаться в нём надо кого и всегда. Хотя, как правило, там за редкую удачу кого-нибудь встретить.

– А там глубоко? – спросил Павлов. – В зале, в котором сверху должен быть воздух.

– Ещё как глубоко – в самом зале. Что касается прохода с решёткой, то это самый обыкновенный коридор.

– Ладно, – сказал наш лидер. – Хватит вопросов. За дело!

Мы переоделись в гидрокостюмы, упаковали вещи и активировали свет. Мне достался источник с зелёным цветом, Ане и Аглае – с жёлтым, Юрьевичу и Ивану Васильевичу – с красным, а у Лиханова с Павловым были палочки с синим свечением. Как неплохого пловца, меня поставили почти в самом конце, за мной был только начальник подземной поисковой партии.

Вода оказалась ледяной. Я стиснул зубы, стараясь перебороть себя для того, чтобы продолжить шагать в студёную чёрную воду. После погружения, делая сильные, надрывные движения, я поплыл вслед общей веренице огней. Грудь ско-

вало, вещи мешали, но я машинально улыбался сам себе, зная, что самое главное в таких ситуациях – это присутствие духа, или, как выражался один мой товарищ, несколько обогащая институт доблести несвойственным ему красочным выражением, кураж.

На какое-то мгновение искры паники заалели внутри меня, словно угли, на которые подул порыв ветра. Но я тут же пристыдил себя тем, что впереди меня совершенно спокойно плыла Аглая: чем не пример для мужества? Вскоре впереди показались дуги красного огня: проводник сигнализировал нам, что в зале, в котором мы плыли, воздушной прослойки между потолком и водой нет.

Время шло. Нехватка воздуха сказывалась всё сильнее. Грудь рвало. Но проход с решёткой тоже был найден быстро, и вскоре в нём, один за другим, исчезли все члены нашей экспедиции, кроме Зигунова, Воронина и меня. Видя, что наш лидер как-то странно двигается, я пропустил его вперёд. То, что он без колебаний воспользовался моим предложением, только усилило мои опасения. Когда я, устремившись вслед за ним, достиг долгожданного воздуха и сделал свой первый шумный вздох, Александром Юрьевичем уже занялись мои друзья – у него начался сердечный приступ. Фельдшер давала ему лекарства и мерила пульс. Андрей и Алексей уложили его на грудь вещей.

– Всё, отпустило, – сказал через некоторое время майор и сделал попытку подняться.

– Не надо! – попросила его Аня. – Посидите ещё, Александр Юрьевич!

Тем временем давно уже вслед за мной вышел из воды наш проводник, а я огляделся по сторонам. Впрочем, и оглядываться особо негде было. Проход просто поднялся из воды вверх, где его путь неожиданно пересекался стеной. Она выглядела относительно новой и была сложена из тёмно-серых булыжников, но не таких больших, как в подземелье, в котором нас, благодаря мне, едва не затопило. Они варьировались по своему размеру, и самые мелкие из них были величиной с кулак, а большие размером с буханку хлеба.

– Ну, как вы, товарищ майор? – поинтересовался я спустя ещё некоторое время.

– Нормально, – ответил он своим обыкновенным голосом. – Аня, мне надоело сидеть. К тому же холодно. Я могу встать?

– Товарищ майор, дайте я только измерю пульс, хорошо?

– Хорошо.

– Да, – ответила фельдшер после измерения, и все мы облегчённо вздохнули.

Тут я заметил, что Аглая изо всех сил пытается скрыть свой кашель. Пока я вылезал из воды, мои друзья зажгли факел, и благодаря его свету я увидел, что у девочки блестят глаза, и она выглядит как-то не так, как всегда.

– Аглая! Что с тобой? Ты не заболела? – спросил я.

– А ну-ка, иди сюда! – заинтересовалась её состоянием Илюшина.

– Всё в порядке, – попробовала возразить она, но подошла.

– Ого! – не удержалась от восклицания Аня, прикоснувшись тыльной стороной ладони ко лбу девочки. – Сейчас я дам тебе градусник, измеришь температуру... Но сначала нам всем надо срочно переодеться. Ты первая!

– Что там? – заволновался Юрьевич.

– 38 градусов как минимум, – ответила фельдшер.

– У нас есть лекарства?

– Да.

– А жаропонижающие?

– Конечно.

– Что ж, хорошо, что есть.

– Горло болит? Честно? Ну, хватит дуться на меня, что ты как маленькая! – нахмурила брови Анна, не добившись от Аглаи ни слова в ответ.

– Ладно, – продолжила она, – прости меня за трусики. Конечно, я слишком погорячилась и была неправа... Так горло болит?

– Ага! – призналась девочка. – Очень болит.

– Переоденешься – посмотрим. А молчала чего?

– Не знаю, – жалобно ответила та.

Мы спешно переоделись. После измерения температуры (у старшего сержанта был с собой градусник) выяснилось,

что она у подростка достигает почти тридцати девяти градусов по Цельсию. Осмотр её горла помог выявить причину, которая оказалась, к нашему облегчению, банальной ангиной.

– Хорошо хоть ангина, – сказала Илюшина. – А не, например, аппендицит. – Иван Васильевич, не представляю, конечно, куда тут можно идти, но нам бы место, где можно организовать привал и обязательно развести костёр. Желательно подальше от воды. Мы же не будем больше плыть, верно?

– Нет, не будем, – ответил бродяга. – А к хорошему, защищённому месту для привала я вас приведу через двадцать минут. Если нужно срочно, то устроим его сразу за стеной. Что касается огня, то это как решит командир. По мне, так не стоит рисковать. Но если он будет не против, я не стану возражать. Мне и самому хотелось бы погреться возле костра.

– Не против, только необходимо произвести аускультацию. Иван, а сухого пути нет? – спросил Воронин. – Если освободим из плена, то как мы переправим через эту воду детей? Это же не так-то и просто, а может быть, и вовсе невозможно...

– Вы не спрашивали, какой вам нужен путь, а я не говорил, – ответил Зигунов. – Другого нет, конечно. А если был бы, то пошли бы им.

Наш лидер вздохнул, а мы поднялись с корточек и принялись надевать на себя свои трансы. Окурок подошёл к стене,

преграждающей нам путь, и внимательно принялся рассматривать её кладку.

– Посвети мне, сынок! – обратился он ко мне. Я подошёл к нему с факелом.

Теперь мы устали в стену на пару с ним.

– Смотри, – сказал он. – Вот он.

– Что? – спросил я, не видя ничего необычного.

– А вот! – указал он пальцем. – Видишь? Вот этот камешек отличается цветом от всех других. Чуть-чуть светлее, заметил?

– Теперь да, – ответил я.

– Ну, нажимай. Только всегда на расстоянии, – посоветовал окуроч. – Эта стена уйдёт вниз. Но есть такие, которые открываются на пружинах не вовнутрь, а к тебе. Может хорошенько расквасить нос или даже выбить зуб.

– Здорово! – сказал я. – Нажимать?

– Давай-давай!

Я нажал пальцами на камешек. Он слегка клацнул и ушёл вглубь на несколько миллиметров. Вслед за этим стена задрожала и медленно ушла вверх. Проводник внимательно осмотрел комнату, которая за ней была.

– Ну что? – спросил он майора, который только что закончил аускультацию.

– Чисто, – сказал тот.

– Всем вперёд! – попросил Зигунов. – Пока проход не закрылся.

Внутри вошла только половина из нас, как дверь вернулась на своё прежнее место, и мне представился шанс нажать на потайной камешек ещё раз. Во второй раз войти успели все. Крайним был сам Иван Васильевич, за которым стена вскоре снова вернулась на своё старое место.

– Что делать с ХИС? – спросил Павлов.

– Прикрепите к себе на одежду, – ответил майор. – Жалко их выбрасывать, пока они светятся.

Мы послушались и прикрепили хемилюминесценты на себя, после чего партия превратилась в подобие гигантской новогодней гирлянды. Я осмотрелся по сторонам. Мы были в квадратной каменной палате, очень красивой на вид в том смысле, что находиться в ней было так же интересно, как в каком-нибудь средневековом замке. Чувствовалось, что это место было когда-то построено с любовью и на совесть. Дышалось здесь легко. Также не было и намёка на гнетущее состояние, действию которого мы подверглись возле лавовой речки.

Посередине зала в полу была кованая железная решётка, за которой плескалась вода. Потолок очень красиво отделан каменными балками, а пол – плитами. По бокам мы обнаружили четыре маленьких тупичка, в одном из которых, в остатках деревянной трухи, угадывалась когда-то давно стоявшая там бочка. В противоположной стене располагалась железная решётка. Рядом с ней – подставка для факела.

– Надо повернуть подставку, и решётка откроется, – проговорил Иван Васильевич. – Если хотите, привал сделаем прямо здесь. Надо сделать прослушку.

После фонесканирования решили остаться здесь и отдохнуть, как следует. Так и вышло: мы развели костёр, хорошенько укутали девочку и устроили ей уютное гнёздышко возле огня. Сварили на всех похлёбку, а персонально для Аглаи – ароматный чай. После чая напоили её таблетками.

– Митя, ты когда-нибудь бывал в таких подземельях? – спросил меня Павлов, закуривая и угощая сигаретой меня.

– Нет, – ответил я, с удовольствием затягиваясь. – А ты?

– Не то что не был, даже и не подозревал, что такие вообще существуют!

– Когда-то однажды я слышал пьяные рассказы, – подошёл к нам Андрей. – Про каменное подземелье с иллюзорными стенами, решётками и каменными балками на потолке. Но я не придавал этому никакого значения – просто не поверил.

Он закурил с нами за компанию и вытер пот со лба.

– А что про него рассказывали? – поинтересовался лейтенант.

– Я не помню! Лёша, это было примерно год назад!

– Лучше бы ты запомнил! – заметил лейтенант.

Потом все улеглись спать, а я остался на часах, потому что в этот раз моя смена была первой. По просьбе Илюшиной в конце своего времени приготовил чай и вместе с лекар-

ством дал его девочке, которую специально для этого разбу-
дил.

После подъёма лагеря выяснилось, что Аглае стало гораздо лучше: температуру сбили до тридцати семи и шести, а горло стало меньше болеть. Мы собрали лагерь и отправились вперёд. Железная решётка, и вправду, открылась сразу после того, как я повернул крепёж для факела. За ней из каменных ходов был самый настоящий лабиринт, в котором наш проводник ориентировался, словно рыба в воде. Вскоре мы встретили ещё одну решётку, которая открылась после того, как мы дёрнули за цепь с кольцом на её конце. Правда, цепь удалось найти далеко не сразу.

Ещё одну железную решётку отпирал рычаг в медной коробке. Этот был, напротив, совершенно не спрятан и располагался на соседней стене. Дальше, постепенно, как это бывает в написанной на совесть книге или остросюжетном фильме, лабиринт начал играть с нами самую настоящую игру.

В одном его месте, для того чтобы отпереть очередную решётку, понадобилось сообразить положить камень на выпирающую вверх плиту. Затем нам попала дверь, ключ от которой лежал в нише, которая была в одном из тупиков поблизости. Окурок не торопился нам подсказывать, вместо этого, посмеиваясь, курил самокрутку и своими каверзными замечаниями, полными сарказма и иронии, только подзадоривал нас.

– Вам это пойдёт на пользу, – прищурился он. – А ес-

ли бы вы были одни?

– Если кто-то, вы, например, уже проходили его, то как ключи, которые исчезают в скважинах, возвращаются обратно в ниши, ну и так далее... или они не возвращаются? – спросил деда Павлов.

– Я и сам над этим думал, – признался Иван Васильевич. – И над многим другим.

– Над чем же? – поинтересовался Лихман.

– Как попасть на нижние уровни. Мы пойдём насквозь, а не вглубь. А это место относительно несложное и знают о нём многие. Вот над чем, – пробурчал Зигунов. – Но ты пока не забивай свою голову всякой ненужной ерундой, капитан. И не отвлекайся!

Как раз в этот момент мы никак не могли найти ключ от решётки, который совместными усилиями, в конце концов, удалось найти. Он был в нише за каменной стеной, которая отпиралась камешком, таким же, какой я нажал, после того как мы преодолели водную преграду. Камешек заметила Аня.

Следующей была загадка с нишей, в которой блестел ключ от двери поблизости. Перед ней была яма, перепрыгнуть которую было возможно только с большим риском – уж слишком она была широка. Лёша первым понял, что нужно было кинуть камень так, чтобы он попал на плиту перед нишей с ключом. Сразу же, как у нас это получилось, створки ямы, словно ставни окна, закрылись, и мы смогли взять ключ.

За дверью, со скрипом ушедшей вверх, оказался небольшой зал. В его противоположной стене стояла следующая запертая дверь. Рядом с ней простиралось барельефное изображение. В нём были два углубления, сразу обращающие на себя внимание. В левой и правой стенах начинались ходы, уходившие в неизвестность.

Барельеф был сделан грубо, наверняка давным-давно, и не баловал зрителя чёткостью своих линий и богатством деталей. Изображение на нём, судя по всему, живописало воина, в руках которого покоилось копьё, на мой вкус, больше похожее на молнию. Им он разил чудовище, представляющее собой нечто среднее между драконом, крокодилом и змеей. Одно из углублений было сделано на острие копья, другое на его окончании.

– Знакомый сюжет, – задумчиво произнёс Александр Юрьевич, глядя на барельеф поверх своих очков. – Митя, посвети, пожалуйста, вот сюда... спасибо. Да, постой, пожалуйста, на месте, я его сфотографирую.

– Что будете делать? – улыбнулся окурок. – Если вы так долго будете над каждой пустяковой загадкой думать, мы в Южный крест и за десятицу не дойдём.

– А мы и не над загадкой думаем, – заметил майор. – Пока. Пойдёмте в боковые проходы.

В левом коридоре в нише мы нашли замаскированный драгоценный камень. Это был рубин.

– Его надо вложить в углубление! – догадался капитан.

– И найти второй камень! – предложила фельдшер.

– Химические источники света надо выкинуть, – констатировал начальник подземной поисковой партии. – Толку от них уже почти никакого.

Со вторым камнем пришлось повозиться: его нигде не было до тех пор, пока мы не нашли скрытую кнопку, которая открыла потайную нишу. Когда оба камня были вставлены на свои места, в двери что-то щёлкнуло, а камни скрылись в отверстиях.

– Быстрее! – сказал проводник, толкая дверь. – Нам надо успеть!

Мы успели. Крайним был Иван Васильевич, за которым замаскированная дверь захлопнулась, не оставив за собой никакого следа. Осмотревшись по сторонам, мы к своей превеликой радости поняли, что оказались во Внешней системе Южного креста, в месте, которое было не слишком удалено от его границ.

Мы прошли несколько часов, после чего фельдшер выпросила привал, потому что Аглая, да и если честно, не только она одна, сильно устали. Ничто не предвещало беды: с шутками и смехом мы, как обычно, поели, поделили время дежурных смен и улеглись спать. Пробуждение было мучительным: я сразу понял, что мы попали в плен.

ГЛАВА IV

в которой наши герои встречают самый настоящий рассвет и любуются самой настоящей радугой

– Поживее! – грубо будили нас незнакомцы, тыча дулами своих автоматов в наши лица.

Сначала я ничего не понял, реальность смешалась в моей голове с остатками сна, и первые несколько мгновений после того, как открыл глаза, я считал, что нас захватили те самые таинственные незнакомцы, у которых в Разбитой пустоши мы отбили Аглаю. Потом, конечно, понял, что это не так: эти говорили на русском языке, освещали пространство вокруг себя с помощью свечных фонарей, и хотя тоже были одеты в чёрные балахоны с капюшонами, безусловно, от них отличались.

Пришельцев было около десятка. Казалось, что они торопятся на пожар. Не дав нам никакой возможности объясниться, не обращая никакого внимания ни на наши возмущённые протесты, ни на попытки лидера подземной поисковой группы установить контакт, они мгновенно связали нам руки и рты, скрепив общей верёвкой так, что из нас полу-

чился караван пленников.

Этой участи избежала только Аглая, которую к общему удивлению, ведущие нас неизвестно откуда отлично знали, как впрочем, и она их. Они называли её Машей, и она, как ни в чём не бывало, откликалась на это имя. В общем, по спокойной, хоть и досадной реакции своих товарищей я понял, что агрессоры – это не наши прямые враги, а какая-то противоборствующая или конкурирующая с Южным крестом группировка Подземья. Что позволило надеяться на благоприятный исход нашего плена. А также считать всё происходящее с нами весьма неприятным, но отнюдь не смертельным событием. Или мне просто хотелось так думать, чтобы успокоиться и взять себя в руки?

Несмотря на то, что нас торопили как могли, конечно, мы передвигались не так быстро, как это могли бы делать освобождёнными от пут. Так продолжалось в течение очень долгого промежутка времени, после которого наши конвоиры остановили нас. После этого они отошли в сторонку и, то и дело бросая на нас свои неодобрительные взгляды, принялись о чём-то шушукаться. У меня появилась надежда на то, что нас наконец-то развяжут и, может быть, даже отпустят в туалет. Конечно же, я ошибался: нас не только не развязали, но и вдобавок ко всему повязали чёрные повязки на глаза, которые навали тут же, видимо, из куска маскировочной ткани.

После этого идти стало совсем невесело. Я постоянно спо-

тыкался и слышал, что этой же участи не избежали и мои товарищи. Лжеаглая постоянно требовала у агрессоров нас развязать, но на неё никто не обращал никакого внимания. Во рту пересохло. Ноги ныли от ссадин. Основной мотив желания окрасился в целую палитру оттенков: захотелось пить, есть, курить, не говоря уже просто об отдыхе, то есть о состоянии покоя. Границы между ними размылись.

Шаг за шагом я чувствовал, что скоро может наступить именно тот момент, когда от досады, именно от неё, а не от настоящего отчаяния или горя, человек способен забыть всякий стыд и расплакаться как ребёнок. К счастью, там, за пеленой повязки начало происходить что-то интересное: звуки (как это нам не заткнули ватой уши?) говорили о том, что мы, скорее всего, входим в лагерь этих странных людей.

Вскоре шум, хлынувший бурным потоком в наш мозг, подтвердил эту догадку и позволил с уверенностью считать, что мы попали в густонаселённое место Подземья, город или что-нибудь вроде этого. Голоса, плеск воды, всевозможные бряцанья, клецанья, щелчки и потрескивания не оставляли никаких сомнений. К тому же были слышны приглушённые переговоры, которые, несмотря на то, что слов мне так и не удалось разобрать (из-за их тишины, но они точно велись на русском), очень напоминали переговоры со стражей, а после них был отчётливо слышен звук, напоминающий скрип отпираемых ворот. Но куда мы попали? Что нас ждёт?

Моя воспалённая фантазия успела нагородить Бог знает какой огород, как вдруг послышался окрик. Невозможно описать, с каким наслаждением я услышал его знакомые нотки!

– Это ещё что?! Вы что, в конец охренели?! Начальник штаба 13-го окончания подземных коммуникаций сопротивления со связанными руками?! Наши люди со связанными руками, ртами и повязками на глазах?! Я требую немедленно освободить из-под стражи и развязать всех наших людей! Я немедленно приведу своего начальника... и вашего лидера, то есть автократора, тоже, идиоты!

На этом Алина Мартыненко, переусердствовав с высокими нотами, сорвала себе голос и, вызвав полное замешательство в рядах незнакомцев, связавших и захвативших нас в плен, принялась срывать повязки с наших глаз и ртов. Вскоре наступила и моя очередь.

– Ну, наконец-то! – обрадованно сказал Воронин. – Спасибо, Алина! Не кричи ты так! Меняев с Мухиным здесь?

– Да, товарищ майор! Вы принесли нам... утешительные вести?

– Приведи, пожалуйста, командира, – подмигнул ей наш лидер. – Принёс.

– Я мигом! – радостно прокричала, уже на бегу, лейтенант и скоро скрылась из виду.

– Я вам говорила! – набросилась в свою очередь на наших конвоиров Аглая. – Ну вот, теперь сами расхлёбывайте кашу, которую сами же и заварили по собственной глупости!

Я уже не раз восхищался картинами, которые представляли перед моими глазами, с тех пор как судьба закинула меня в Южный крест. Ничуть не умаляя искренности всех пережитых впечатлений и не отнимая красок из описанных прежде мной полотен, я в который раз даже не просто чуть не задохнулся от восторга, а ошалел от него.

– Мы в Радуже, Митя! – улыбнулась моему выражению лица Аня.

За время нашего путешествия глаза успели частично атрофировать свои функции и теперь испытывали настоящий шок.

– Как много цветных красок! – смущённо пробормотал я.

Закружилась голова, но я не обратил на это внимания. Много ли вы помните в своей жизни впечатлений, которые смогли заставить так же радостно покраснеть, как самое первое свидание со своей самой первой, ещё детской, любовью?

Это был громадный конусообразный грот, в котором расположился подземный город. Он состоял из храмов, потому что отовсюду, со всех сторон, блестели купола. Возможно, что грот был выше уровня моря, потому что самым главным чудом этого места было то, что откуда-то сверху падали, хоть и не напрямую, но определённо забранные с земной поверхности лучи естественного, природного света. Очевидно, там, наверху, сейчас царил рассвет, потому что весь Радуж был укутан розовым маревом.

– Откуда это, товарищ майор? – спросил я.

– Наверху залежи слюды, – ответил мне начальник подземной поисковой партии. – Они расположены так, что сорок дней до летнего солнцестояния и сорок дней после него в город утром, начиная с рассвета и почти до полудня, попадают прямые лучи солнечного света.

– Ух, ты! – сказал я. – Несмотря на крайние неудобства вследствие естественных причин, не восхищаться представшей моим глазам панораме было просто невозможно.

Мы стояли на небольшой, вымощенной камнем площади, недалеко от одной из стен грота. Свет сверху, как мне казалось, ниспадал с противоположной стене направления. То есть, с другой стороны стоял город, в котором было столько много храмов и церквей, самых разных: деревянных, каменных, из красных кирпичей, что сначала мне показалось, что он состоит только из них. Это было безумно красиво: купола, много людей разных возрастов, спешащих по своим утренним делам, и мириады свечей, горевших вокруг в фонарях, подсвечниках, люстрах, и вообще, где это было только возможно. Ибо все ухищрения человеческой фантазии были сосредоточены в этом месте на том, чтобы с их помощью сделать всё вокруг таинственным и красивым.

– Какое необычное слово: «утро», – заметил Павлов. – Триста лет его не использовал.

– Сейчас начнут гасить свечи, – сказал Лихман.

– Радуж часто называют городом миллиона и одной свечи, – пояснила мне фельдшер.

– Неужели вы все были здесь раньше? – спросил я своих друзей, и по их лицам и улыбкам понял о том, каков был бы ответ, если бы его произнесли вслух.

Но и это было ещё не всё. Стена грота, рядом с которой мы были, тоже была сама по себе маленьким чудом. Как минимум треть её площади занимал водопад, воды которого падали в небольшое озеро, которым заканчивалась площадь. Вдруг стало происходить что-то необыкновенное: сначала один, затем ещё несколько, и вот уже мириады солнечных лучей вдруг упали на водопад так, что над городом стала явно видна радуга.

– Митя, у тебя открыт рот, – заметила фельдшер. – Ты знаешь, что я умею вправлять челюсти? Умею, но не люблю.

– Вот поэтому он и называется Радуж, – хмуро заметил Иван Васильевич. – Когда нам дадут сходить по нужде?

– Но сами себя они больше любят называть Радужной лаврой, – зевнул Воронин. – Слава Господу Богу, вот идёт наш командир.

Конвоиры, до этого стоящие в сторонке, подбежали к нам и вытянулись по струнке. Поправлять сорванные Алиной повязки, впечатлённые её гневной тирадой, они не стали, как, впрочем, и освободить нас от пут, тоже. Аглая, беседовавшая с кем-то невдалеке, вернулась, наверное, для того, чтобы встретить группу людей, приближавшихся к нам.

Их было не менее трёх десятков. Это была элита 13-го окончания вместе с людьми, судя по всему, управляющих

Радужем. Иссушённые фигуры, укутанные в чёрные рясы с капюшонами. Чистые внутренней одухотворённостью лица, ясные и глубокие глаза, как у людей, которые часто и подолгу молятся. В общем, на вид – самые настоящие монахи.

С нашей стороны я увидел много знакомых персон. Помимо командира здесь были Лопарёв, Капустин, Рыбин, Петруня, а также другие офицеры, занимающие руководящие должности в 13-м и 47-м окончаниях. Само собой, по сравнению с ними, одетыми в чистую, выглаженную форму, мы выглядели самыми настоящими оборванцами: небритыми, грязными и уставшими. Одетыми в невесть какие гражданские лохмотья.

– Восхитительно! – изумился Меняев. – Итак, может быть вы и всех нас, как и моего начальника штаба и моих офицеров, закуёте в кандалы и бросите в ваши темницы? Просто так, попоститься и развеяться, месяца на три?

Последние шаги он преодолел с трудом, чтобы не сорваться на бег. В своей жизни я никогда не встречал человека, который бы больше пёкся о том, как он выглядит. Казалось, лидер Южного креста продумывает и репетирует своё каждое движение, каждый жест. Естественно, если это, конечно, так и было, а не являлось врождённым талантом, этот труд не прошёл бесследно: одна его легендарная походка, напоминающая грациозные движения рыси, чего стоила.

– Ну же, не волнуйтесь, Александр Владимирович! – с этими словами из людей Радужа вперёд выступил старец. –

Конечно же, вышла ошибка. Наши люди проявили излишнее рвение.

По его внешнему виду, осанке и взгляду, отношению к нему других я сделал вывод, что он здесь или самый главный, или в числе самых первых лиц города. На нём была чёрная ряса, но опоясан он был простой верёвкой. Он был худ, с живым лицом, на котором за стёклами очков мерцали добрые карие глаза. Его шевелюра переходила в бороду, обрамляя всю его голову роскошной белоснежной гривой.

– Не стоит так всё драматизировать! – заявил ещё один батюшка.

Он был тоже в очках, почему-то круглых, коротко пострижен, в поддержку своих слов бурно жестикулировал и картавил. Впрочем, это ему шло.

– Наши люди, – продолжил батюшка в круглых очках, – просто встретили ваших людей и проводили, чтобы с ними ничего не случилось, к нам. Зная, что вы у нас. Вот и всё, Александр Владимирович! – он сделал жест рукой, после чего таинственные незнакомцы, совсем недавно безжалостно конвоировавшие нас связанных, принялись с извинениями развязывать нам путы.

– Полноте, Иван Иванович! – резко ответил ему командир 13-го окончания подземных коммуникаций сопротивления. – Приберегите вашу пышную риторику для своих проповедей!

– Слава Господу Богу, не зря мы молились ему, ты жива! –

обнял девочку батюшка, первым ответивший командору. – Как ты, Машенька?

– Всё хорошо, Юрий Юлианович, спасибо. Вы не будете возражать, если я с вашего разрешения займусь размещением и обустройством гостей?

– Конечно, дитя моё. Только не забудь рассказать о своём возвращении Константину Евгеньевичу. Он очень беспокоится о твоей судьбе, и не далее как вчера мы снова говорили о тебе... – кивнул головой Юрий Юлианович и обратился ко всем нам: – Рад вас приветствовать, гости дорогие! Ребятунки, простите нас милосердно за нашу ошибку! Добро пожаловать в наш город!

Вокруг нас возникла толчея, на площадь подходили новые люди, кто-то прибежал с новостями, и радужцы принялись что-то бурно обсуждать. Воспользовавшись ситуацией, выбрав момент, когда нас никто не мог подслушать, к нам подошёл полковник Меняев.

– Как ты, Юрьевич? – обнял он Воронина. – С возвращением, приключенцы... Ну что?! Делитесь!

– Нашли! – сказал майор.

– Значит, он всё-таки есть! – прищурил глаза командир. – Как же вовремя и кстати ваше возвращение с такими новостями! Прямо слов от радости нет!

Чувствовалось, что ему очень хотелось улыбнуться или засмеяться, но вместо этого он только удовлетворённо закрыл и вновь открыл свои глаза и облегчённо вздохнул.

– Только вот, Саша, – нахмурился Юрьевич. – На обратном пути даже не сифон, а самая настоящая водная преграда...

– Ну, что поделаешь, – сказал полковник. – Плохо, конечно, но результат есть. Будем думать. Потом обговорим детали. Вы мне пока не нужны, отсыпайтесь, отдыхайте. Мне пора к Мухину. Он пошёл встречать Когутенко и его делегацию окурков из Балдур-Кугута. Конфедерация свободных городов, и всё такое. Совсем уже рехнулись.

– Нам тоже пора, – заволновался Зигунов.

Видимо, встречаться со своими ему совершенно не хотелось.

– Когда домой? – спросил Александр Юрьевич.

– Завтра на рассвете проведём общий совет, – ответил командир. – После него сразу же возвращаемся в Южный крест. А сегодня подготовительная русалия... То есть, подготовительный день... А вы отдыхайте.

– Наших ребят на совет возьмём?

– Зачем они там. Но я ещё подумаю, и окончательное решение приму позже. Всё, я погнал.

– Всяческой удачи вам, Саша, – тихо сказал ему вслед майор.

– Так кто ты по-настоящему? – спросил девочку Павлов.

– Аглая или Маша? – подхватила Илюшина. – Или, может быть, у тебя есть и другие имена?

– Ну, – улыбнулась она. – Вообще-то я Маша. Мария Эду-

ардовна Якимова. Не обижайтесь, пожалуйста, на меня, хорошо? Я и вправду не могла вам сказать!

– Ты откуда родом? – спросил я её. – И, вообще, кто?

– Да, откуда. Я из Новой чёрной сотни. Вот.

– И ты всё это время молчала и водила нас за нос? – спросил её Андрей.

– Ну, – ответила Маша. – Я же извинилась!

– А ты что, неужели скажешь, что не знала? – спросил фельдшера Алексей.

– Нет! – вклинился в разговор Воронин. – А я знал, конечно. Да и в плен нас скрутили, потому что её искали... Аглая... То есть, Якимова, води нас, пожалуйста, побыстрее! Догадываешься куда?

– Догадываюсь, товарищ майор! – звонко ответила девочка и наконец-то отвела нас в двухэтажную маленькую гостиницу, где оставила размещаться. Сначала мы привели себя в полный порядок (нам даже удалось помыться и переодеться в чистую одежду), а потом поели и выспались.

Нас разбудила Аглая, а точнее, Маша, которую мы иногда по инерции продолжали называть её старым именем. Пока ещё не полностью привыкли к новому. Теперь она была одета, как и большинство жителей Радужа, в чёрную ризу с капюшоном. Мы спустились вниз, в маленький гостиничный кабачок. Там съели по две миски ароматной похлёбки из фасоли и сушеной рыбы и заказали по кружке крепкого ароматного кофе с порошковыми сливками. Потом оказалось,

что есть квас. На него с радостью накинудись без исключения все. Давно хотелось чего-нибудь кисленького, к тому же он был невероятно вкусным.

За столом нам прислуживала молоденькая и очень симпатичная официантка по имени Ашхен. Я позволил себе слегка построить ей глазки. Девушка зарделась от удовольствия и стала нарочито медленно взмахивать своими удочками-ресницами каждый раз, когда подходила к нашему столу для того, чтобы что-нибудь подать или унести. Из-за обилия свечей здесь было светло, а ещё тепло и уютно. Только сидя за широким дубовым столом, среди друзей, мне, наконец, удалось поверить, что хоть мы были и не в Южном кресте, но наша экспедиция завершена, и причём не просто завершена, а завершена успешно.

– Интересно, а Ашхен – это чьё имя? – спросил я.

– По-моему, армянское, – ответил Андрей.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Машу Аня.

– Спасибо тебе, уже лучше. Хотя маленькая температура ещё держится, – ответила та.

– А кто тебя тогда вёл в Разбитой пустоши так и не расскажешь? – спросил девочку Павлов.

– Нет, – ответила она.

– Ей нельзя, – вступился за неё Воронин.

– Да, нельзя, – подтвердила Илюшина.

– Маша, а что такое автократор? – спросил я.

– Ну, наша форма правления немножечко сложнее, чем

у вас, в Южном кресте, – ответила девочка. – Но если всё предельно упростить, то так называется наша глава.

– А кто такой батюшка в круглых очках? – продолжил интересоваться я.

– Это Председатель отдела внешних церковных связей Радужной лавры, – ответила бывшая Аглая.

– Митя, как можно до сих пор не знать таких простых вещей! Что такое Новая чёрная сотня, ты хоть знаешь? – застеснялась вместо меня старший сержант медицинской службы.

– Конечно, знаю! Всех тут знаю! – рассердился я. – Это был сарказм. Нет, не знаю. Откуда? Я же не про степени боевой готовности расспрашиваю!

– Ладно, я тебе потом расскажу, – улыбнулась Анна.

– Нет уж, – ответила подросток. – Я сама.

– Хорошо! – развела руки в стороны фельдшер.

– Чёрная сотня, точнее, Новая чёрная сотня – это меч и щит Радужной лавры...

– Ну, наконец-то я вас нашёл! – перебил её вбежавший в гостиницу молодой монах. – Простите, что перебил вашу беседу, но... – он запнулся и замешкался.

– Сделай выдох, за ним паузу и просто скажи нам, за кем тебя послали, – посоветовал ему Александр Юрьевич.

– За майором Ворониным и за старшим сержантом Илюшиной, – ответил тот. – Полковник Меняев просил вас поторопиться.

– Ну что же, с вашего разрешения, друзья, – поднялся из-за стола начальник штаба. – Аня, ты готова?

– Я на секунду забегу в свой номер, хорошо?

– Давай быстрее.

– Спасибо, я мигом.

– Маша, покажи им пока город, хотя бы просто прогуляйтесь по нему, – попросил Воронин, пока фельдшер бегала наверх.

– Хорошо, Александр Юрьевич, – ответила девочка.

Потом прибежала Илюшина, и они ушли.

– Ваши люди пришли попытаться уговорить нашу лавру участвовать в операции по освобождению детей, – серьёзно вздохнула девочка.

– Наверное, так оно и есть, – медленно проговорил Лиханов.

– Мы всегда вас поддерживали, – напомнил Павлов.

– А мы – вас, – заметила девочка. – Да что мы? Вы бы лучше об окурках побеспокоились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.